

Публикация А. С. Пученкова

А. А. Куломзин. «Крым при Крымском правительстве. Зима 1918–1919 гг.»

**Пученков
Александр
Сергеевич**
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Публикуемые воспоминания принадлежат перу Анатолия Анатольевича Куломзина (1870–1941), бывшего камергера высочайшего двора, ковенского и саратовского губернатора, действительного статского советника, секретаря и заведующего канцелярией вдовствующей императрицы Марии Федоровны. А. А. Куломзин был вторым сыном предпоследнего председателя Государственного совета Российской империи Анатолия Николаевича Куломзина (1838–1923), видного консервативного либерала¹, известного в числе прочего в качестве одного из самых высокопоставленных мемуаристов пореформенного времени, оставившего после себя, по словам историка А. В. Мамонова, «обширное и предельно сложное по своему составу и содержанию наследие»², охватывающее огромную историческую эпоху — от последних лет царствования Николая I и до начала XX в.³ Сам характер записок А. Н. Куломзина свидетельствует о предвзятости оценки члена Государственного совета Д. Д. Гримма, по мнению которого Анатолий Николаевич был «человек бесцветный, нерешительный, боявшийся как огня всякой тени ответственности»⁴. Еще меньше походит на правду и дневниковое свидетельство государственного секретаря Российской империи А. А. Половцова, писавшего о Куломзине, как о «глупом», «низкопоклонном» и «без-

дарном прислужнике»⁵. Очевидно, что Анатолий Николаевич был крупным государственным деятелем и человеком незаурядных способностей — и как политик, и как мемуарист.

Таланты отца, очевидно, перешли по наследству и его сыну. А. А. Куломзин сделал блестящую по меркам романовской империи карьеру, во все времена отличаясь исполнительностью, прагматизмом, исключительным здравым смыслом и наблюдательностью. Все эти качества, вероятно, помогли ему и Куломзину-старшему выжить и в революционную эпоху, когда прежняя Россия — та самая, которой они «без лести преданно» служили десятилетиями, — ушла в историю, а новая власть не только не нуждалась в услугах видных представителей «старого режима», но и воспринимала их как явно враждебный элемент. Осознание этого пришло к Анатолию Николаевичу и Анатолию Анатольевичу Куломзиным практически сразу: осенью 1918 г. большая семья Куломзиных оказалась сначала в гетманском Киеве, где «бывшие», как не без грустной иронии именовал себя глава семейства, более-менее благополучно отдыхали от страшноватой повседневности большевистской Москвы, а вскоре, предвидя неминуемое падение П. П. Скоропадского⁶, оставили столицу Украинской державы, перебравшись в благодатную и любимую всеми Куломзиными Тавриду. Здесь, в Крыму, только-только начинало свою деятельность Второе Крымское краевое правительство под председательством старинного друга семьи Куломзиных — бывшего члена I и IV Государственной думы и Государственного совета Соломона Самойловича Крыма, кабинет которого пришел на смену недолговечной диктатуре генерала М. А. Сулькевича, как и Скоропадский, бывшего немецким ставленником и в силу этого именуемого в советской литературе «приказчиком у немцев», «бесцветной фигурой, вполне преданной идеалам татарской буржуазии и отвечающей планам немецкого командования»⁷. Понятно, что определение «бездарный» применялось к Сулькевичу, что называется, по умолчанию⁸. Не вдаваясь в пространную характеристику Сулькевича⁹, отметим, что, в отличие от украинского гетмана, Матвей Александрович, видимо, не имел самостоятельных политических амбиций. Опытный кадровый дипломат Н. В. Чарыков, получивший осенью 1918 г. приглашение от Сулькевича занять пост министра народного просвещения, а также принять кураторство над внешними сношениями, вспоминал, как в беседе с ним генерал признался, что «все, чего он хочет, это чтобы когда-нибудь его вспомнили, как “хорошего дворника”, который помог сохранить для Российского государства его драгоценность, Крым»¹⁰. Ввиду краха немцев на Западном фронте падение Сулькевича было неминуемо, в результате искусно проведенной политической интриги кадеты осуществили бескровный «государственный переворот» (определение принадлежит самому генералу Сулькевичу)¹¹, крымский диктатор безропотно сдал свои полномочия, а С. С. Крым и близкие к нему деятели образовали в середине ноября 1918 г. на полуострове антибольшевистский и лояльный А. И. Деникину и идее Единой и Неделимой России кабинет — вплоть «до момента образования единой государственной власти»¹².

Деятельности этого кабинета посвящено немало воспоминаний, наиболее видные из которых опубликованы в последние годы на страницах нашего жур-

нала¹³. Помимо этого, следует также выделить и исключительно информативные записки министра внешних сношений Крымского правительства М. М. Винавера, опубликованные в Париже еще в 1928 г.¹⁴ Судя по всему, к желанию взяться за перо Куломзина подтолкнуло знакомство именно с ними. Также нельзя не отметить в качестве ценного источника по истории правительства Соломона Крыма монументальные трехтомные воспоминания человека поистине удивительной биографии – министра народной культуры, просвещения и здравоохранения Второго Крымского Краевого правительства, профессионального революционера и члена партии эсеров С. А. Никонова, скончавшегося в заблокированном Ленинграде страшной зимой 1942 г.¹⁵ Ввиду этого мы считаем возможным снабдить публикуемые воспоминания, подготовленные А. А. Куломзиным во время его беженства во Франции и сданные им в Русский зарубежный исторический архив в 1929 г., лишь самыми необходимыми комментариями — событийная канва достаточно подробно излагалась как в легенде воспоминаний В. Д. Набокова и Н. Н. Богданова, так и в подробных комментариях к ним. Предлагаемый вниманию читателя текст, на взгляд публикатора, чрезвычайно интересен и информативен: в записках Куломзина содержатся малоизвестные подробности, характеризующие повседневную жизнь крымчан в эпоху Второго Краевого правительства. Подобно многим другим мемуаристам, Куломзин оставил в своих записках сугубо положительную характеристику кабинета Соломона Крыма — человека, давно и с успехом работавшего на благо полуострова и пользовавшегося глубоким уважением представителей всех его национальностей¹⁶. Несмотря на то что судьба самого правительства, по словам кадета М. М. Винавера, занимавшего пост министра внешних сношений Крымского правительства, сложилась «почти что трагично», все же, с точки зрения Максима Моисеевича, «по замыслу это был один из лучших порывов нашей (кадетов. — А. П.) партийной мысли — свидетельство ее прозорливости, верности своим принципам и практической годности этих принципов»¹⁷.

Подобный взгляд находится в противоречии с утверждениями А. И. Деникина, оставившего в своих знаменитых историко-мемуарных «Очерках русской смуты» достаточно ироническую характеристику Второго Краевого правительства, отметив, что правительство Соломона Крыма «являет собою законченный опыт демократического правления, хотя и в миниатюрном территориально масштабе, — правления, обладавшего суверенностью, полным государственным аппаратом и подобающими ему званиями»¹⁸. Не секрет, что отношения Деникина и правительства С. С. Крыма были чрезвычайно сложными¹⁹, несмотря на то что именно Крымское правительство, по словам министра внутренних дел этого кабинета Н. Н. Богданова, «призвало Добрармию в Крым, оно сделало все ему возможное, чтобы материально и нравственно поддержать Добрармию и с самых первых дней своего существования связало свою судьбу с армией»²⁰. «Призванию» Добровольческой армии в Крым предшествовало и памятное «паломничество» М. М. Винавера в Екатеринодар, миссия которого, по его словам, «состояла в привлечении армии в Крым»²¹. Впечатляющие успехи Добровольческой армии в ее борьбе с большевиками на Северном Кавказе воспринимались Винавером и его единомышленниками в ту пору «как нечто

святое, к чему нельзя относиться иначе, как с молитвенным благоговением»²². В будущем, уже после формирования краевого правительства, идиллический период в отношениях между добровольцами и новой властью закончился, оборвавшись на полуслове: между сторонами не прекращались постоянные трения, которые возникали при соприкосновении Ставки Вооруженных сил Юга России с кабинетом С. С. Крыма, — Деникину в деятельности крымского правительства виделась склонность к независимости, едва ли не сепаратизм. По словам П. Н. Милюкова, добровольцы обвиняли краевое правительство в «левизне» и «в сношениях с социалистами»²³. Уже в эмиграции Деникин все же нашел возможным признать, что в самом начале правительство и Ставка не расставили все точки над «i», взаимные обязательства сторон по отношению друг к другу не были прописаны достаточно четко, характер взаимоотношений установился «недостаточно определенно, давая впоследствии поводы для взаимных трений»²⁴. Особенно раздражали крымских министров «эксцессы» Добровольческой армии, иначе говоря, бессудные расправы, чинимые белогвардейскими офицерами с теми, в ком им мерещились большевики. Убийства эти производили угнетающее впечатление на мирное население, безмерно вредя репутации добровольцев²⁵.

Сопоставление записок Деникина с мемуарными свидетельствами работавших в составе крымского правительства Н. Н. Богданова, М. М. Винавера, П. С. Бобровского, С. А. Никонова, а также с публикуемыми воспоминаниями А. А. Куломзина позволит получить достаточно целостное представление о деятельности кабинета С. С. Крыма. Название настоящей публикации — авторское, оно принадлежит самому А. А. Куломзину. Рукопись — машинопись с немногочисленными рукописными вставками, отложилась в фонде Р-5881 (Коллекция отдельных документов белоэмигрантов) Государственного архива Российской Федерации, представляющем собой поистине энциклопедию воспоминаний о жизни России в переломную для нее эпоху рубежа XIX — XX вв. Воспоминания А. А. Куломзина прежде не публиковались. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка, особенности авторского стиля сохранены.

А. А. Куломзин

Крым при Крымском правительстве. Зима 1918–1919 гг.

В условиях нашего беженского существования мы читаем с урывками и с запозданием. Поэтому мне только недавно, случайно, попалась книга М. М. Винавера «Наше правительство». Прочитав ее, мне захотелось, по принципу «*aidiatur et altera pars*»²⁶, прочитать и то, что вышло о тех же событиях из-под талантливого пера генерала А. И. Деникина. Чтение этих материалов освежило в памяти целый ряд впечатлений, полученных в Крыму, куда я привез семью в начале ноября 1918 г., [спустя] несколько дней после образования Правительства бывшего члена Государственной думы и Государственного совета С. С. Крыма и где мы пробыли вплоть до конца марта 1919 г., момента первой эвакуации полуострова.

Оговариваюсь, что я жил в Крыму в положении стороннего наблюдателя, ничем не связанного с работой Правительства, чувствовавшего эту работу, лишь поскольку она отражалась на повседневной жизни простого обывателя.

Впечатление это было очень сильно и исключительно в том смысле, что ни раньше в Петербурге, Москве и Киеве, ни потом в Новороссийске, Екатеринодаре, Кисловодске и опять в Крыму, после крушения Кавказского фронта (я уехал из Крыма до генерала Врангеля), я не ощущал ничего подходящего к тому, что было в Крыму в этот краткий промежуток времени.

Среди безумной революционной *danse macabre*²⁷ это был *dilucidum intervallum*²⁸ — воистине самая красивая страница контрреволюционной борьбы (я, конечно, исключаю армию) горсти умных и просвещенных людей, стремившихся, и не без успеха, водворить и поддержать гражданский порядок на небольшой, ограниченной морем, площади старой России. И вместе с тем глаза этих людей никогда не теряли из вида главной общей цели — воссоединения родины. А обывателю казалось, что эта здоровая ячейка, превратившись одновременно в плацдарм Добровольческой армии, вместе с успехами этой последней должна будет если не выделить кадры людей для дальнейшего гражданского устройства родины, для этого людей на месте было слишком мало, то хотя бы дать методы и навыки управления, те витамины, что ли, которые так нужны для построения здорового гражданского правопорядка в опустошенной стране, и дать в руки будущим работникам ряд готовых норм и законов для начала работы.

И не вина этих людей, что события смели их из Крыма вместе с немногочисленными военными силами, которые Добровольческая армия только и могла, по-видимому, отделить в то время в Крым.

В этом трагизм момента. Огромная революционная волна в силу чисто механического закона удельного веса выкинула их из Крыма, как немного позже смыла вообще все Белое движение. Но все это не уменьшает заслуги этих людей и не умаляет внутренней красоты их попытки.

* * *

Вывавшись в сентябре 1918 г. из Москвы, мы первое время блаженствовали в Киеве. О хлебе, сахаре и проч. можно было говорить не шепотом, а громко, унижительная психология вола, если бы вол мог думать в загоне, около бойни, отпала. Человек, уверенный, что малым детям его, в случае чего, не грозит приют без имени, фамилии и даже без номера, нравственно оживал²⁹.

Но как только, привыкнув к свету, мы разобрались немного в новых впечатлениях, новая тревога закрадывалась в душу. Деревня, замиренная немецкими штыками, давала, казалось бы, русской власти возможность если не строить, то хотя бы организовать. А между тем русские министры говорили по-русски с опаской (я, конечно, исключаю С. Н. Гербеля) и переводили свои постановления на непонятную «австрийскую мову», для чего держали специальный двойной штат чиновников. По улицам разъезжали офицеры и солдаты, вооруженные необычайным оружием и какими-то огромными саблями, волочившимися ниже колес извозчиков, в фантастических дорогих костюмах, с бритыми головами и чубами, свисавшими до колес. Они не успокаивали, а напротив — буйный вид их внушал скорее опасения.

В деревню то и дело шли карательные экспедиции для водворения порядка, и не из этих местных войск, а немецкие. Над всем — «полудержавный властелин» с портретами во всех писчебумажных и книжных лавках, то в одиночку, то с сыном³⁰. Но вместо Петра Великого за властелином стоял не то Вильгельм II, не то его тень, ибо это было почти накануне его бегства в Голландию. И оставались вместо впечатления силы, одни лишь полувывсочайшие разводы и выходы.

Слов нет, если бы не он, много тысяч людей не выбрались бы из большевистской мышеловки и история с благодарностью зачтет ему это. Но не его приемами восстанавливается власть и ее авторитет.

Мужика не приручить басурманской винтовкой, а нашего брата не успокоить чубатыми молодыми людьми.

Внизу было заглушенное недовольство новой властью, наверху улыбки, а что же опаснее смеха в моменты не только создания власти, но даже простой необходимости ее поддержания. Еще в Москве ходили неопределенные слухи о каком-то новообразовании в Крыму. Называли генерала Сулькевича. Друзья, благо у нас была дача в Крыму, выдали нам удостоверение о принадлежности к числу крымских граждан. Но об ориентации новой власти говорили неопределенно. Ссылались на немецкую оккупацию и только³¹.

В Киеве слухи выяснились. Сулькевича, предлагавшего Крым одновременно и Вильгельму, и султану, больше нет, а есть правительство местных людей, русских (ни одного татарина), которые дарить своего края ни немцам, ни тем более туркам не намерены, а управляют понятными нам способами, не хотят отдавать гетману, читай немцам, русского флота, да и вообще входить в малороссийскую комбинацию не желают.

Во главе нового правительства называли С. С. Крыма и рядом с ним В. Д. Набокова и М. М. Винавера. Кто не знал этих имен. Имя Винавера и тогда, и после вызывало много возражений, но в большом уме ему никто не отказывал.

Один из лучших цивилистов России, человек всесторонне образованный, он пользовался широкой популярностью еще задолго до революции в среде евреев и в особенности еврейской молодежи. В Думе он был одним из лидеров кадетской партии.

В. Д. Набоков был одним из наиболее юридически образованных людей своего поколения. Блестящий думский оратор, человек очень умный, первоклассный стилист и редактор, он как нельзя более казался тогда к месту в любом правительстве, тем более что и характер его выяснился к тому времени. Я говорю об уходе его из состава Временного правительства, как только для него стало ясно, что оно, бессильное и даже не желавшее проявлять воли, безнадежно погрязло в демагогии и пустословии³².

Но всякому лицу, хоть немного знавшему Крым, его людей и их отношения, имя главы правительства С. С. Крыма говорило еще гораздо больше, чем два предыдущих. Так же как и двое первых, член Думы (I и III)³³, затем член Государственного совета от Таврического губернского земского собрания, выдающийся сельский хозяин, первоклассный знаток виноделия, виноградарства и садоводства, С. С. был бессменным докладчиком и в Думе и в Государственном совете по всем своим специальностям и как таковой, а также как очень сильный на месте и популярный человек был широко известен в петербургских кругах, хотя выступал в Думе и Государственном совете редко, чаще всего как докладчик.

Дома, в Крыму, его значение было очень велико. Горячий общественный деятель, блестящий оратор, он всю жизнь был во главе всех благих начинаний земства. Особенно велика была его популярность среди татар. Когда перед выборами в первую Думу в губернский избирательский съезд нахлынула подавляющая масса татар — представителей мелкого землевладения и их спрашивали, какой они партии (тогда это было ново), они спокойно отвечали: «Партии Соломона Крыма», и С. С. Крым прошел и провел за собой остальных.

К слову сказать, его резкая позиция по отношению к генералу Сулькевичу и открытое порицание наглого поведения его и Курултая в вопросе об ориентации стоила С. С. Крыму его популярности среди татар, и не было проклятий, которые не сыпались бы тогда на его голову. Последнее продолжалось и в эмиграции вначале, когда в Париже пытались играть роль делегации разных восточных новообразований и издаваемые мусульманские газеты изливали на С. С. Крыма весь лексикон татарских бранных слов.

Остальные члены Крымского правительства были или местные деятели и чиновники, или представители более левых, чем кадеты, течений, но тоже местные люди. Однако социалисты, вошедшие в правительство, были спокойные, умудренные, так сказать, революцией, и притом люди образованные и воспитанные, а главное — честные и потому не мешали, а напротив, по мере сил помогали общей работе по организации власти.

Этих людей генерал А. И. Деникин называет «Правительством господина Соломона Крыма» (см. Т. 4, стр. 44)³⁴.

* * *

Оптимистами мы двинулись в Крым в ноябре 1918 г. Впечатление при переезде границы было столь же сильное, как и при выезде в Украину, но несколько другое. Поражало спокойствие края. Налицо не было никаких внешне раздражающих и рассчитанных на то, чтобы бить в нос, эффектов. Жизнь текла мирно и спокойно. О «борьбе классов» не было и помину. На улицах, в лавках, в бедных кварталах, на базаре, никто не смотрел тем специфическим взглядом, который так знаком всякому выдавшему большевицкую Россию. Не было и жесткого взгляда себе подобных людей, который, казалось, говорил вам, а иногда и прямо говорил: «а, недорезанный буржуй потряс мошной». Что всякий счастливо спасшийся от большевиков был недорезанным, я, пожалуй, согласен, но почему он неизменно предполагался богатым и подлежащим трясению (как будто нас мало «трясли» и там, и по дороге), — это надо спросить у этих развязных молодых людей с извращенной психологией этого сумбурного времени.

Даже татары, ополчившиеся на С. С. Крыма, и те молча признали новую власть, потому что ненавидели большевиков еще гораздо более и, зная С. С. Крыма, отлично понимали, что при его правительстве по этой части можно быть спокойным.

Словом, «большевиков нема», как сказал мне еще в октябре на Киевском вокзале какой-то крымский обыватель в свитке и бараньей шапке, только что приехавший в теплушке из Керчи, на мой вопрос, что у вас в Крыму.

На месте оказалось, что министром внутренних дел состоит Богданов, бывший председатель губернской земской управы и как таковой комиссар Временного правительства по Таврической губернии³⁵. После прихода большевиков он уехал на Дон, участвовал в Ледяном походе и оказал незабываемую услугу Добровольческой армии. Это было приятно узнать, что вопрос об отношении Добровольческой армии к Крыму и его правительству напрашивался сам собою³⁶.

Уход немцев с Юга России и, следовательно, из Крыма был почти решен, а вопрос о замене их союзниками, одну минуту, казалось, решенный утвердительно, вдруг стал затягиваться и притом, по всем признакам, безнадежно. То, что Украина не удержится одна, не составляло ни для кого вопроса. Крым тем более не мог просуществовать без армии. Естественно поэтому, что все взоры были направлены на Добровольческую армию. Сил добровольческих тогда в Крыму не было вовсе, если не считать остатков флота и военного и морского министров, назначенных командованием Добровольческой армии.

Крымское правительство вело оживленные переговоры параллельно и с Добровольческой армией, и с союзниками в целях создания в Крыму безопасного, благоустроенного и спокойного угла, могущего стать базой и плацдармом для дальнейшего завоевания России.

Старания эти сами по себе были успешны и могли дать желанные результаты, ибо к роковому моменту эвакуации Крыма налицо было до 3000 иностранных войск (не считая флотских команд), что вместе с несколькими тысячами добровольцев составляло довольно внушительную силу, казалось бы, достаточную для обороны полуострова, если бы к укреплению перешейка были приняты своевременно хотя бы самые элементарные меры.

К тому же времени — ноябрь 1918 г., сколько помню, — относится формирование в Феодосии на моих глазах Гвардейской кавалерийской дивизии, вернее, Сводного полка I-й дивизии, предпринятое с согласия Добровольческой армии, командиром Кирасирского Ее Величества полка генералом Даниловым. Генерал этот прибыл в Феодосию с бумажкой, но без денег, между тем в Крыму было очень много офицеров подлежащих полков, которые охотно шли под свое родное знамя. Были и кадровые вахмистры, и солдаты, обнаружившие те же чувства. Все эти люди, в большинстве семейные и рабочие, не могли бросить мест и семьи, не обеспечив последних. Но это было невозможно сделать из нищенского офицерского жалованья и смешных окладов солдатских и вахмистерских. Генералу Данилову приходилось и людей искать, и помещение найти и приспособить, и о конском составе, и об обмундировке и вооружении подумать. За седлами и шашками посылали в Одессу, за винтовками еще куда-то, за лошадьми в третью сторону — словом, все бралось с бою и все стоило денег, а их не было.

То, что я говорю о деньгах, составляло бич Добровольческой армии. В самом деле, в обращении были всевозможные образцы денег: царские, керенки, украинские шаги, позднее крымские деньги, какие-то кавказские боны, уже вовсе и на деньги не похожие. При этом влиять на количество бумажных денег находившихся в обращении Добровольческая армия не могла по той простой причине, что к выпуску большинства их не имела никакого отношения. Между тем керенки, например, печатались, говорят, в каждой красной дивизии в неограниченном количестве. Украинские и тем более кавказские деньги фабриковались также бесконтрольно. Таким образом весь вред перенасыщения рынка бумажными знаками был налицо. Товарные цены росли, а цена денег падала³⁷. Но себя Добровольческая армия все-таки урезывала, не желая переходить известного предела выпуска донских денег, как будто это могло влиять на общее положение вещей, и делалось это за счет насущных потребностей армии, остававшихся без удовлетворения. Семейные солдаты и даже офицеры часто неохотно шли в армию, или вовсе уклоняясь, или, что еще хуже, попав в армию, немедленно начинали забронировываться, как тогда говорили, от фронта, заполняя и развращая тыл. Снабжение хромало. Реквизиции раздражали.

Были случаи обращения, при формировании частей, к частной инициативе, в смысле сборов на данную часть, но такие сборы давали мало: ни у кого почти не укладывалось в голову, что можно и должно создавать и содержать армию на частные средства.

Когда, после эвакуации Крыма, я беседовал в Екатеринодаре об этом больном вопросе с покойным И. П. Шиповым, он мне изложил общие соображения о вреде кредитной инфляции, а на доводы о том, что денежного обращения все равно регулировать нельзя по понятным соображениям и что если Добровольческая армия победит, то безразлично, придет ли она в Москву со 100 миллионами, или 10 миллиардами кредитного долга, а в случае неудачи вопрос просто отпадает, он мне ответил, что так могут рассуждать только неспециалисты.

А между тем в этом постоянном безденежье крылась одна из причин разложения армии и притом в самый критический момент ее жизни, во время подготовки ее наступления на Москву и в течение этой операции. Армия ест, когда голодна, и одевается, когда раздета, а если ей платить нечем — берет даром, а это называется грабежом. Да и многое другое неприглядное имело в основе отсутствие денег, и рядовой обыватель подмосковного района вместо белого рыцаря без страха и упрека, которого ожидал и со слезами и иконами встречал, увидел всё ту же действительность, те же приемы, не вязавшиеся с ожиданиями, и отвернулся от этих новых людей, а тем самым погубил и их святое дело.

Но вернемся в Крым. Немцы должны были уходить. При этом надо заметить, что на Феодосию с уездом их было едва ли более 150 человек с несколькими офицерами. Ни тех, ни других почти не было видно, а порядок был полный. Позднее демонстрации союзников, их суда и военные прогулки по городу не производили и малой доли впечатления сотни немецких касок.

Происходило это потому, что все немцы до последнего твердо знали, чего хотели и для чего они в Крыму, а политика союзников была не определена, что не могло не отзывать на настроении их людей на месте. Между тем обыватель всего может быть более чуток именно к этой стороне всякой власти — ее определенности.

На место немцев должны были прийти добровольцы. Первый отряд их и пришел в Керчь 23 ноября в составе около 100 человек и был радостно встречен населением в Керчи и Симферополе и властью. Сюда же усиленно приглашали союзников для обеспечения тыла, на случай движения армии вперед; эскадра их появилась у берегов Крыма также в конце ноября.

Параллельно с формированием частей на месте шла подготовка офицерских кадров в юнкерском училище в Феодосии. Эти мальчики, воодушевленные лучшими стремлениями, в жертвенном порыве, почти все погибли, когда их двинули в последнюю минуту защищать штыками неукрепленный Перекоп и Чонгар.

Честь их памяти. Но почему же и в Петербурге, и в Москве, и в Ярославле, и в Киеве, и в Новочеркасске все бегут, а дети в последнюю минуту умирают? Это, кажется, одна из специфических черт нашей революции. Если мне кто-нибудь докажет, что я ошибаюсь, я буду рад. А песни этих детей, возвращавшихся мимо моих окон, после учений, всегда будут звучать в ушах моих укором.

Но все-таки центральным жизненным вопросом для Крыма была защита перешейка, и естественно, что обыватель интересовался им. По наведенным справкам оказалось, что это дело всецело в руках Добровольческой армии, которая ревниво оберегала свою самостоятельность в этом деле. Военный министр в составе Крымского правительства сводился к эксперту или обер-прокурору по вопросам, имевшим отношение к армии, а действовал самостоятельно без оглядки на правительство, которому только предъявлял требования, когда было нужно, часто в весьма категорической форме. Правительство не ездило и не собиралось ехать на Перекоп посмотреть, что там делается, потому что это было бы принято в дурную сторону. Сначала мне это казалось излишней щепетильностью и я ставил это, про себя, в вину правительству, но мне пришлось переменить мнение, когда я прочел у Винавера (стр. 206, 207 и 208) о том, что уже в последнюю минуту, когда оказалось, что укрепление Перекопа — блеф и правительство спешно назначило людей и ассигновало деньги для производства хотя бы каких-либо работ, Добровольческая армия в лице ее Главнокомандующего пригрозила немедленно отозвать все свои силы ввиду вмешательства в дело обороны. Телеграмма эта была затем, правда, отменена, но самая возможность ее отправки, перед лицом красного врага, большими силами наступавшего на Крым, очень характерна для определения степени единения властей и доверия, которое белое командование питало к Крымскому правительству.

Главное командование Добровольческой армии, очевидно, было неправильно информировано своими агентами на месте (сам генерал Деникин в то время не мог приехать в Крым), которые, к сожалению, не доверяя правительству, склонны были обвинять его огульно в чем угодно, не давая себе труда ближе вникнуть в дело, оценить действия и акты правительства или хотя бы учесть глазом для этого правительства то спокойствие, которым Крым все это время пользовался. В чем тут дело, что обуславливало взгляды и действия окружения генерала Деникина, скажет история. Свидетелю события достаточно отметить и указать на пристрастность там, где она очевидна.

Как я сказал выше, Крым в ноябре 1918 г. был совершенно спокоен. Власти были на местах и работали нормально. Полиция, суд, податные органы, нотариат и т. д. функционировали вполне удовлетворительно. С другой стороны, учебные заведения, до университета включительно, жили также нормальной жизнью. Достоин замечания, что университет дал отряд в 1000 человек в одну из критических минут, помнится, не то в марте, не то в декабре 1919 г.

При организации власти Крымское правительство не ограничилось одним возвращением людей на места — оно неустанно работало над организацией и объединением власти и результаты становились с каждым днем ощутительнее.

В этом отношении книга Винавера дает очень интересную, хотя и не исчерпывающую картину (она не окончена), но все-таки достаточную для суждения.

Работа правительства шла по трем главным направлениям: внутреннего устройства, обеспечения внешней безопасности и возможного объединения своей работы с работой параллельных новообразований Юга России.

По первому вопросу Винавер дает список главнейших положений, выработанных Советом министров за время его деятельности. В этом списке наряду с исключительными законами о мерах к предупреждению нарушения общественного порядка, обязательными постановлениями о борьбе с общеопасными преступниками, о лицах, ведущих агитацию против союзников и Добровольческой армии и т. д., приводится целый ряд законов и ассигнований на нужды военного министерства, от учреждения комендантских управлений, суточных денег офицерам артиллерийской части военного министерства, пособий инвалидам деньгами и одеждой, до военных переводчиков и штатов катера «Брынский». Затем идут законы об организации суда, до учреждения Высшей кассационной инстанции, о тюремной части, караульным командам и т. д. Еще далее — пособия учебным заведениям, организация общественных работ, пособия железнодорожным служащим фигурируют рядом с законом о почтовых марках (он же и гербовый, и денежный знак — очень остроумная комбинация, которой я нигде больше не встречал) и о купонах. И наконец, законы о предельной норме квартирной платы и об арендных договорах на землю. Словом, ни одна сторона жизни, требовавшая вмешательства, не была забыта. Все эти законы были грамотны (я разумею не орфографию, а внутреннюю грамотность), ясны, кратки и всех более или менее удовлетворяли, то есть причиняли обывателю возможный минимум неприятности.

Последнее есть одно из основных требований, предъявляемых к хорошо составленным законам. Этим мы обязаны были главным образом покойному В. Д. Набокову.

Однако главной чертой Крымского правительства данного периода, красной нитью проходившей через все его акты и действия, и это было уже всецело делом его главы С. С. Крыма, был его дух, его незлобливость, если можно так выразиться. Оно старалось быть беспристрастным и не мстило населению или отдельным его слоям за старое.

Правда, в этом отношении его задача была облегчена тем, что при вступлении в Крым немцев весь пришлый элемент большевиков, нахлынувший в Крым в период первого их господства и вместе с матросами чинивший зверства, поспешил бежать. На месте остались лишь очень немногие из этих субъектов, которые и были водворены в тюрьмы и затем преданы суду или отправлены для суда на Кавказ, не помню.

Из коренного населения лиц, работавших с большевиками, было немного, да и люди эти были в большинстве безопасные. Их привлекли к суду, сажали, выселяли, но делали это без азарта и злобы, и были правы. Гнев вообще дурной советник, а для уважающей себя власти пароксизмы его непростительны. Что иногда неизбежно, к сожалению, и непредотвратимо для толпы, то недопустимо для правительства, достойного этого названия. В каких бы условиях оно ни работало и как бы ни были жестоки меры, им проводимые, они никогда не должны быть принимаемы сгоряча и носить характер мести. Иначе меры эти не достигают цели и ведут к обратным результатам.

* * *

В отношении обеспечения внешней безопасности полуострова работа Крымского правительства почти исчерпывающе описана в книге Винавера, на котором и лежала главным

образом эта сторона работы, ввиду чего он и жил не в Симферополе, а в Севастополе, т. е. в непосредственном соседстве с союзным флотом.

Результаты знаменательны. Лица, входившие в Правительство, будучи образованны, культурны и умны, сумели с первой минуты внушить к себе уважение со стороны представителей союзного командования. Эти последние, казалось, убедились, что нашли клочок территории, где гражданский порядок более или менее обеспечен культурной и разумной властью, притом без немецкого или сепаратистского привкуса, на которую можно опереться и которой вследствие этого надо лишь дать внешнюю охрану к тому моменту, когда русские военные силы уйдут на север. Так, по-видимому, и было решено, ибо уже к началу марта, т. е. очень скоро, если принять во внимание дальность расстояний и медленность сношений, после начала переговоров, в Крыму было сосредоточено, как сказано выше, до 3000 союзных войск.

Успеху своей работы в этой ее части Крымское правительство обязано главным образом М. М. Винаверу, который изо дня в день настойчиво добивался своей цели с умом, упорством и находчивостью — качествами, его отличавшими.

Но русские силы не поспели. Наскоро сосредоточенные в Крыму части, по преимуществу из пленных красноармейцев, как свидетельствует Винавер, не выдержали напора красных. К тому же и перешеек оказался неукрепленным.

И начальник союзных сил полковник Труссон по-своему был прав, заявив М. М. Винаверу в начале апреля, после прорыва красных на Перекопе, что он готов был помочь армии, хотя и малочисленной, но желающей драться, но совершенно не желает помогать армии, бегущей с поля битвы (см. Журнал заседаний Совета министров Крымского правительства от 16 апреля 1919 г. на судне «Надежда»)³⁸.

Жестокие, несправедливые и обидные слова, ибо много героизма было проявлено тогда горстью храбрых. Но побежденный всегда виноват, и наивно было бы ждать другого приговора от постороннего зрителя, в самом факте русской революции видевшего, быть может, только измену общему делу союзников.

* * *

Третья сторона работы Крымского правительства, поставленная в виде цели с самого начала, — сношения с остальными новообразованиями для вовлечения их в общую работу по достижению великой общей цели объединения родины в будущем и облегчения работы армии — организацией тыла не была, к сожалению, вовсе достигнута. Причин этого в неоконченной книге Винавера не указано — есть только намеки, да и вообще следов этой стороны работы Крымского правительства почти не сохранилось.

Причины этого неуспеха кроются, по-видимому, в несоответствии не столько даже целей, сколько способов их достижений между Крымом и другими новообразованиями. В Крыму не было ни буйной рады, ни бушевавших кругов; не было также немецкой подоплеки и двойной игры. Да и люди были уже очень разные. Что общего было у Крыма, Набокова и Винавера с Бычем, Рябоволом³⁹ и tutti quanti⁴⁰, которые кричали о самостоятельности, держались демагогией и для которых любовь к России был почти звук пустой.

Правда, Крымское правительство обязалось, с самого начала перед Собранием общественных и земских деятелей, его выбравшим, созвать Краевой сейм, конечно в духе времени, на основе общего избирательного права. Оно выработало даже закон о выборах. Но, повторяю, в основе своей оно не было демагогично, ибо держалось доверием населения и отлично понимало, что спешить некуда. Через своих членов, из состава левых партий, отнюдь не большевиков, людей спокойных и уравновешенных, оно сдерживало весьма успешно проявления крайних стремлений. Даже в последние дни своего существования,

когда выяснившиеся расхождения его с представителями Добровольческой армии и неопределенность положения не могли не отозваться на настроении части рабочих, и то Крымское правительство легко прекращало начинавшиеся забастовки.

Надо заметить, что и самые сношения на Юге России были очень затруднительны. Прямой провод естественно мог служить только для передачи кратких разговоров, распоряжений и сведений, а поездки были целыми путешествиями.

Наконец, сама идея о необходимости такого объединения отдельных новообразований не назрела тогда еще, по-видимому, не только в отдельных правительствах, но даже в сознании верхов Добровольческой армии. Отправка на союзническую Мирную конференцию представителем от России одного С. Д. Сазонова без предлагавшегося окружения его представителями отдельных новообразований — яркое тому доказательство. Последствия не заставили себя ждать. Мирная конференция не пожелала признать представителем новой России испытанного, талантливого и популярного, но все-таки министра старого режима. Придравшись к этому, конференция просто скинула Россию со счетов и решила все вопросы без нее, окончательно оставив за ней лишь роль поля для всяческих финансовых, политических и часто даже спортивных опытов, без плана и часто даже без искренности⁴¹.

Другой пример отношения Добровольческой армии к вопросу об объединении окраин, не менее характерный, — это эпизод с предполагавшимся присоединением к Крыму трех северных уездов бывшей Таврической губернии. Эти уезды, привыкшие считать себя в составе Крыма, населенные богатым и спокойным населением с большой примесью немецкого элемента, так называемых немецких колонистов, выражали настойчивое желание присоединиться к Крыму. Крымское правительство пошло на это с радостью, было даже намечено лицо для управления этой территорией, но в последнюю минуту представитель Добровольческой армии генерал Шиллинг⁴² приехал туда, объявил себя генерал-губернатором и первым делом завладел всеми средствами, находившимися в подлежащих казначействах.

Принимать в управление три уезда без копейки денег Крымское правительство, при ограниченности своих средств, не было в состоянии, вопрос о присоединении заглох, и в тех уездах введено было так называемое военно-походное управление со всеми его отрицательными качествами.

* * *

По свидетельству генерала Деникина, Добровольческая армия с самого начала работала политически в очень трудных условиях. Она была окружена рядом новообразований с ярко выраженными сепаратистскими тенденциями. Во-первых, Украина, протянувшаяся до Харькова, далее Дон, по стратегическим соображениям определявший границами своего особого государства с одной стороны Воронеж, а с другой Саратов. О Грузии говорить нечего, да и Кубань, в лице Быча и Ко, по свидетельству генерала Деникина, тоже не хотела воссоединения с Россией. В этом отношении, замечу в скобках, что опасения генерала Деникина кажутся, особенно теперь, *post factum*, несколько преувеличенными. Самостийность в устах демагогов и на Украине, и на Дону, и на Кубани была, по-видимому, лишь неудачным, чтобы не сказать другого слова, тактическим приемом для привлечения симпатий так называемых иногородних (вопрос о казачьих привилегиях и землях) с одной стороны и отвращения симпатий населения от большевиков с другой. Размеры будущих государств были явно чрезмерны, а аппетиты все расширялись, так что те же люди в конце концов неминуемо вернулись бы к первоначальной точке. Та легкость, с которой большевики обошли этот вопрос, подтверждает, казалось бы, этот взгляд. Ведь даже Грузия, и по крови, и по языку чуждая России и наиболее ярко выражавшая свои сепаратистские тенденции, и та была введена в состав России без войны, в результате лишь военной экспедиции.

Не менее сложны и пестры были и внутренние психологические настроения в армии. Офицерство всех оттенков, движимое идеей спасения родины от большевиков, наполняло ряды его и старалось группироваться по отдельным частям, по признаку прежней службы, восстанавливая, когда можно было, и самые названия частей. А прежнее товарищество и того больше названия частей представляли собой несомненно политический флаг, сколько бы ни говорить о беспартийности и аполитичности армии, ибо это были люди, а жившие люди в то время не могли не иметь политических убеждений, и притом очень ярких и крепких, гораздо более крепких, чем до революции.

Молодежь не разбиралась часто ни в направлениях, ни тем более в отдельных людях. Это признает и генерал Деникин (стр. 261, т. 3)⁴³, говоря, что военная среда в известной части относилась нетерпимо не только к социалистическим, но и к либеральным местным деятелям. Была рядом с этим нетерпимость и в другую сторону. Часть офицерства была настроена столь же ярко в обратном смысле и также группировалась по особым частям.

Главное командование лавировало между обоими направлениями, отмечая в лозунгах политику и не предпрещая будущего.

Одно однако же ясно, что с демократической общественностью (стр. 261, т. 3) командование работать не могло, не хотело или не умело (Малянтович, Луганский, Кириллов, Быч и т. д.), но обернуться к людям более умеренных взглядов также не решалось.

* * *

К моменту ухода немцев с Юга России и появления союзников в Черном море командование Добровольческой армии не сразу даже определило к ним своего отношения.

В книге Винавера в этом отношении есть очень характерное упоминание о разговоре его, Винавера, с адмиралом Аметом (стр. 122) в марте 1919 г., что давно были бы здесь (в Крыму) войска, «если бы не ваш Деникин». И далее (стр. 172) еще более замечательный разговор того же Винавера с другим представителем союзного командования о том, что Деникин плох и если и Краснов⁴⁴ плох, то есть генерал Щербачев⁴⁵. В этом разговоре Винавер защищал генерала Деникина, и в дальнейшем Крымское правительство не реагировало на это заявление, что еще раз доказывает, что оно обладало политической честностью и не интриговало против Добровольческой армии и ее командования.

* * *

С неопределенными политическими лозунгами, не признавая немцев, не определив еще вполне своего отношения к союзникам, расходясь тактически и не доверяя ни одному из правительств, образовавшихся на Юге России, Главное командование Добровольческой армии, скрепя сердце, должно было обратиться к форме военно-походного управления, о качествах коего распространяться не буду — стр. 260, 261 и 262 3-го тома Очерков русской смуты достаточно в этом отношении красноречивы⁴⁶.

Этот способ управления предназначался, правда, по-видимому, лишь для местностей, входивших в непосредственную сферу действия Армии, а в тылу было образовано Особое при главнокомандующем совещание с совещательным голосом. Оно состояло из очень почтенных деятелей, но как многоголовое было громоздко, а как совещательное — с приглушенным чувством ответственности⁴⁷.

Вот в какой обстановке генерал Деникин получил от генерала Сулькевича 4 ноября 1918 г. телеграмму (стр. 43, т. 3), в которой он извещался об уходе немцев, об отсутствии войск на месте, о возможности вспышек и повторения неистовств большевиков, о необходимости быстрой помощи союзного флота и добровольцев. Телеграмма заканчивалась так: «...ввиду борьбы и сильной агитации левых партий, кабинет мой слагает свои полномочия, уступая место коалиционному министерству из кадет, социалистов и татар»⁴⁸.

Отношение генерала Деникина к Сулькевичу и его о нем мнение очень категоричны, и другой оценки генерал Сулькевич и не заслужил, но как-никак это был русский генерал, и его взгляд на общее положение в Крыму и суммарная оценка новой власти («кадет, социалистов и татар») не могли не врезаться в память верхов Добровольческой армии.

Ближе вникнуть в дело, присмотреться к людям, если они являлись лицами неизвестными, представителям Добровольческой армии не было ни времени, ни даже, по-видимому, и охоты. Тот факт, что с уходом Сулькевича в Крыму никаких «неистовств» большевиков не проявилось, а напротив, стало спокойнее, несмотря на то, что немцы уходили, а на смену им только в конце месяца явилась сотня добровольцев, не был принят в расчет; к новому правительству установилось сразу, по трафарету, отношение одинаковое с другими краевыми правительствами, т. е. отношение опасливое и подозрительное, и сразу же заработала, по трафарету же, контрразведка, одна из самых неудачных по работе организаций Добровольческой армии, хотя, казалось бы, в нее надо было подбирать лучших людей и не по охоте, а по принуждению, по долгу перед Родиной. Коренной и всегдашний порок такого рода учреждений при всех режимах в том, что они стараются возбуждать дела, чтобы оправдать свое существование, а иногда и чтобы выслужиться. То же увидели мы и в Крыму. Потянулись слухи, чем ближе к центру, тем упорнее. В Ялте большевиков видели на каждом шагу. Целый ряд возбужденных дел, переданных правительству, пришлось прекратить за полным отсутствием состава преступления. Это раздражало известные слои и вымещалось на правительстве. Мало того, единственные два-три случая кровавой расправы (Гужон и др.) исходили не из большевистских или левых кругов.

* * *

А если бы представители Добровольческой армии в Крыму с самого начала беспристрастно присмотрелись к правительству или были в состоянии составить себе о нем правильное понятие, они заработали бы с ним дружно. Освещение в Ставке получилось бы другое, и генерал Деникин, быть может, нашел бы в Крыму то, чего он так страстно и красноречиво требовал в Ставрополе (стр. 262, т. 3).

«Добровольцы приносят несчетные жертвы своими жизнями. Принесите жертву и вы, умерьте ваши масштабы, дайте мне несколько местных и умных начальников уездов; я окажу им полную поддержку и обеспечу возможность работать. Создать условия нормальной жизни, внести успокоение, насадить право и законность в одном русском уезде — работа гораздо более значительная, чем все упражнения в партийных программах и резолюциях. И было слово мое подобно голосу вопиющего в пустыне»⁴⁹.

Убедившись, что право, законность и успокоение налицо в Крыму, Добровольческая армия, может быть, уделила бы ему больше внимания с самого начала, и судьба Крыма могла бы быть другой⁵⁰. Но действительность была, однако, далека от этого. Крым был в загоне у Добровольческой армии, которая в то время расценивала его как *quantite negligeable*⁵¹. Результаты известны. А затем, через три месяца после значительных усилий и крови, во вновь завоеванном Добровольческой армией полуострове водворилось военно-походное управление, и атмосфера в Крыму стала совсем другой, близкой к тому, что столь красноречиво очерчено самим генералом Деникиным в главе 36-й тома 3-го его Очерков.

Прибавлю еще одно замечание. Возвращение красных в Крым в апреле 1919 г. не сопровождалось и минимальной долей тех жестокостей, которые были и в первый, и в особенности в третий раз⁵².

Думаю, что причину этого явления надо искать в деятельности того же Крымского правительства, которое, как я сказал, не раздражало населения, не мстило ему и тем самым ослабило до минимума проявление новых вспышек мести с другой стороны. Одно это уже огромная заслуга перед краем.

Обвинять в неудаче Крымского правительства, конечно, никого в отдельности не приходится. Виноваты сумбурное время и недокипевшее настроение масс, не вкусивших всей прелести советского быта в период сравнительно краткого первого господства его на Юге России, сопровождавшегося демагогическими лозунгами и террором, главным образом по отношению к высшим слоям населения.

Борьба партий, мнений, лозунгов, личных самолюбий и честолюбий, полное почти отсутствие выдержки и дисциплины, иначе говоря, гражданственности, едва ли могли привести к чему-либо другому, кроме краха.

И в этом развале в первую голову погибло маленькое Крымское правительство, слабое территориально и физически, но зато сильное духом и идеями.

Но в известные моменты жизни народов спокойно сказанное правдивое слово часто безвозвратно тонет в хоре противоречивых, но громких и страстных, хотя бы пагубных, выкриков.

Марсель, октябрь 1929 года. А. Куломзин.

ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 369. Машинопись. Л. 1–23, 47–48.

¹ См. об этом: *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. С. 144.

² *Мамонов А. В.* Пореформенная бюрократия в воспоминаниях А. Н. Куломзина // *Российская история*. 2018. № 2. С. 158.

³ См. воспоминания А. Н. Куломзина: *Куломзин А. Н.*: 1) Пережитое: воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К. А. Соловьева; подгот. текста С. С. Новосельского, К. А. Соловьева. М., 2016; 2) Из жизни бывшего человека / вступ. ст. и коммент. С. С. Новосельского. М., 2019.

⁴ *Гримм Д. Д.* Воспоминания: из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. СПб., 2017. С. 170.

⁵ *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т. 1: 1883–1886 / предисл. Л. Г. Захаровой. М., 2005. С. 513–514 (записи от 26 и 29 декабря 1886 г.).

⁶ Подробнее см.: *Пученков А. С.* Киев в конце 1918 г.: падение режима гетмана П. П. Скоропадского // *Новейшая история России*. 2011. № 2 (2). С. 57–72.

⁷ *Бунегин М. Ф.* Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь, 1927. С. 168, 192.

⁸ См., напр.: *Штейнбах Е. М.* Профессиональное движение в Крыму, 1917–1927 гг. Симферополь, 1927. С. 39.

⁹ Подробнее см.: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г.: очерки политической истории. СПб., 2013. С. 131–133.

¹⁰ *Чарыков Н. В.* Беглый взгляд на высокую политику / пер. с англ. яз., подгот. текста, сост. и коммент. Л. А. Пуховой. М., 2016. С. 214.

¹¹ *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. / публ. А. С. Пученкова // *Новейшая история России*. 2015. № 1 (15). С. 230.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5818. Оп. 1. Д. 54. Черновик письма М. М. Винавера. 1919 г. Л. 1–2.

¹³ См., напр.: *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. С. 221–257; Обзор взаимоотношений между Крымским правительством и Добрармией за период декабря 1918 г. — апреля 1919 г. / публ. А. С. Пученкова // *Новейшая история России*. 2016. № 3 (17). С. 211–224; *Богданов Н. Н.* Крымское краевое правительство [1919 г.] / публ. А. С. Пученкова // Там же. 2018. Т. 8, № 2. С. 534–557.

¹⁴ *Винавер М. М.* Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928.

¹⁵ *Никонов С. А.* Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности: в 3 т. Т. 3: 1917–1938 / публ. В. А. Соломонова и Е. Е. Федорова; вступ. ст.

В. А. Соломонова и Ю. Г. Степанова; коммент. и указ. имен В. А. Соломонова, генеалог. древо Е. Е. Федорова. М., 2018.

¹⁶ См. об этом: *Оболенский В.* Памяти Соломона Самойловича Крыма // *Последние новости*. Париж. 1936. 18 сент.

¹⁷ Среди тяжелых лет (переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг.) / публ., вступ. ст. и коммент. В. Е. Кельнера // *Архив еврейской истории*. Т. 8 / гл. ред. О. В. Будницкий. М., 2016. С. 230 (письмо М. М. Винавера И. И. Петрункевичу. 1920. 4 июня).

¹⁸ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: в 5 т. Т. V: Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1926. С. 56. — Здесь и далее публикатор будет ссылаться на первое издание деникинских «Очерков» — именно с ним, несомненно, и был знаком А. А. Куломзин.

¹⁹ Подробнее см.: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г. С. 156–162; Обзор взаимоотношений между Крымским правительством и Добармией... С. 214–222; *Богданов Н. Н.* Крымское краевое правительство. С. 543–553; *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. С. 233–241.

²⁰ *Богданов Н.* Открытое письмо А. И. Деникину // *Последние новости*. Париж. 1928. 22 дек.

²¹ *Винавер М. М.* Наше правительство. С. 17, 21.

²² Там же. С. 17.

²³ *Миллюков П. Н.* Россия на переломе: в 2 т. Т. 2: Антибольшевистский этап русской революции. Париж, 1927. С. 101.

²⁴ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. V. С. 55.

²⁵ Подробнее об этом см.: *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. С. 235–238; *Богданов Н. Н.* Крымское краевое правительство. С. 544–547; *Винавер М. М.* Наше правительство. С. 141–152, 174–177.

²⁶ Следует выслушать и другую сторону (лат.).

²⁷ Пляска смерти (фр.).

²⁸ Момент просветления (лат.).

²⁹ О немецкой оккупации Украины в 1918 г. подробно см. в новейшей монографии: *Ланник Л. В.* После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 274–367.

³⁰ «По Киеву все время дефилировали немецкие войска. Везде были вывески всевозможных немецких комендатур и военных штабов. Крещатики были полны толпой приезжих... А на видных местах: в витринах, в выставках магазинов красовались огромные снимки гетмана Скоропадского, почтительно, даже пободострастно склоняющегося перед Вильгельмом II. Все это было убийственно тяжело и при всем этом имело вид эпизода, который должен скоро уступить место чему-то другому. А чему: Петлюре, большевикам, а потом что Бог даст. Национальный центр и здесь оказывал содействие пересылке на юго-восток офицеров, пожелавших вступить в Добровольческую армию, но жаловался на препятствия, которые чинил этому Гетман. А между тем в ресторанах и паплетных офицеры уже исполняли обязанности лакеев и, видимо, предпочитали этот род занятий участию в кровавой гражданской войне», — вспоминал видный общественный деятель В. Н. Челищев (ГАРФ. Ф. Р-6611. Оп. 1. Д. 1. Челищев В. Н. На службе суду и общественности. 1896–1920 гг. (Факты и размышления). Л. 367).

³¹ О немецкой оккупации Крыма см.: *Ланник Л. В.* После Российской империи. С. 368–382.

³² О деятельности В. Д. Набокова в «крымский» период его жизни см.: *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг.

³³ В действительности С. С. Крым был членом I и IV Государственной думы.

³⁴ Неточность; правильно: Т. V. С. 56.

³⁵ По словам С. А. Никонова, работавшего в кабинете С. С. Крыма в должности министра народного просвещения, «министр внутренних дел Богданов из всех министров-кадетов был самым правым и во всяком случае сторонником решительной борьбы с большевизмом» (*Никонов С. А.* Мои воспоминания. Т. 3. С. 228).

³⁶ О своей работе в правительстве С. С. Крыма Н. Н. Богданов оставил подробные и крайне интересные воспоминания, упомянутые выше (*Богданов Н. Н.* Крымское краевое правительство).

³⁷ О денежном обращении в годы Гражданской войны см. классическую монографию М. В. Ходякова: *Ходяков М. В.* Деньги революции и Гражданской войны. 1917–1920 годы. 3-е изд. СПб., 2019.

³⁸ Журнал был опубликован в «Архиве русской революции»: Журнал заседания Совета министров Крымского краевого правительства 16 апреля 1919 г. // Архив русской революции / сост. И. В. Гессен. Т. 2. М., 1991. С. 167–175.

³⁹ Речь идет о кубанских политических деятелях: Луке Лаврентьевиче Быче — первом председателе Кубанского правительства (1917–1918) и участнике Первого Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии (1918) и Николае Степановиче Рябоволе (1883–1919) — председателе Кубанской законодательной рады, убитого в Екатеринодаре при таинственных обстоятельствах. Об отношении Деникина к кубанскому самостийничеству и убийстве Н. С. Рябовола см.: *Пученков А. С.*: 1) Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский сборник. М., 2012. Т. XII. С. 385–406; 2) Конец Кулабухова, или Рассказ об одном повешенном // Родина. 2008. № 3. С. 41–44.

⁴⁰ Всякие прочие (итал.).

⁴¹ Парижская мирная конференция 1919 г., по сути, завершившая Первую мировую войну, прошла без участия России. Подробнее см.: *Смолин А. В.* У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 г. СПб., 2017.

⁴² Шиллинг Николай Николаевич — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России, командующий Новороссийской области (1919). Умер и похоронен в Праге.

⁴³ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. III: Белое движение и борьба Добровольческой армии. Берлин, 1924. С. 261.

⁴⁴ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — генерал-майор Русской императорской армии, атаман Всевеликого войска Донского (1918–1919), известный писатель и мемуарист. В годы Второй мировой войны согласился на сотрудничество с нацистами. Был выдан англичанами СССР в Лиенце, вывезен в Советский Союз, судим и повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

⁴⁵ Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932) — генерал от инфантерии, видный участник Белого движения. Скончался во Франции.

⁴⁶ См., напр., следующие слова Деникина, отражающие его отношение к практике военно-походного управления: «В центре не было пока компетентных направляющих органов. Военные губернаторы терялись в обстановке до крайности запутанной, на почве безвременья и удручающего безлюдья. И я, и они делали немало ошибок. Бывали и такие эпизоды, которые весьма тягостно отражались на положении Добровольческой армии, возбуждая против нее население» (*Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. III. С. 262).

⁴⁷ «Это было нечто вроде совета министров при Главнокомандующем, дополненное главным образом кадетами без портфелей, очевидно, в противовес генералам, введенным туда на правах членов, а именно: Начальник военного управления, начальник штаба и главные начальники снабжений и военных сообщений», — писал об Особом совещании принимавший участие в его работе генерал В. А. Энгельке. По словам Энгельке, Особое совещание было «бутафрией большой государственности» (ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 762. Л. 18, 21).

⁴⁸ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. III. С. 43–44.

⁴⁹ Там же. С. 262.

⁵⁰ Представляется, что весной 1919 г. Крым действительно находился на периферии интересов Добровольческой армии. По словам Деникина, включение Крыма в орбиту Добровольческой армии добавляло ей немало проблем. «В морально-политическом отношении — это был еще один шаг в сторону государственного объединения. Но в чисто стратегическом, кроме прикрытия военных портов и морских баз, занятие Крыма давало к тому моменту мало выгод: Крым требовал войск, снабжения и хлеба, отягчая тем положение главного фронта Добр. Армии» (Там же. Т. V. С. 55). В дальнейшем, весной 1919 г., накануне падения Крыма под натиском красных, по утверждению белого диктатора: «...ввиду общего тяжелого положения на фронте Вооруж. Сил Юга, помочь [правительству С. С. Крыма] было нечем» (Там же. С. 63). На наш взгляд, ставка действительно не видела в обороне Крыма в тот момент первостепенной и наиважнейшей задачи для армий Вооруженных сил Юга России; но и в более трудной, можно

сказать жизненно важной, ситуации осенью 1920 г. перешейки Крыма белому главнокомандованию удержать не удалось. Подытоживая наши наблюдения, позволим себе высказать мнение о том, что Крым весной 1919 г. был интересен и важен для Деникина лишь до той поры, пока полуостров рассматривался как база для союзных контингентов, находящихся в непосредственном взаимодействии с белогвардейцами. С того момента как для белого главкома стали очевидны нежелание и невозможность союзников драться с большевиками, Крым стал рассматриваться в качестве второстепенного театра военных действий, периферии Гражданской войны. Вряд ли следует видеть причину падения Крыма в пресловутой «строптивости» краевого правительства, породившей, дескать, желание Деникина «проучить» кабинет С. С. Крыма и «намеренно» не защитить полуостров от натиска большевиков; это нисколько не походит на привычный способ действий белого главнокомандующего — коварство было ему не присуще.

⁵¹ Ничтожно малую величину (фр.).

⁵² Речь идет о красном терроре в декабре 1917 — феврале 1918 г., а также о кровавых расправах с попавшими в плен или оставшимися в Крыму чинами Русской армии генерала П. Н. Врангеля в конце 1920 — начале 1921 г. Подробнее см.: Пученков А. С.: 1) Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г. С. 123–128; 2) 1920 г.: агония белого Крыма // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век. СПб., 2018. С. 195–203. — Краткое пришествие красных в Крым весной 1919 г. продолжалось всего 75 дней. По словам историка М. В. Владимирского, автора интересной книги «Красный Крым 1919 года», «от “пришли” до “ушли” прошло всего 75 дней» (Владимирский М. В. Красный Крым 1919 года. М., 2016. С. 4). Вместе с тем нельзя не отметить того, что краткий период повторного большевистского владычества отличался определенной гуманностью — без бессудных и кровавых эксцессов сродни «еремеевской ночи», не говоря уже о страшном красном терроре конца 1920 — начале 1921 г. Это был своеобразный «социализм с человеческим лицом», естественно с учетом специфики Гражданской войны.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2020 г.
Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пученков А. С. А. А. Куломзин. «Крым при Крымском правительстве. Зима 1918–1919 гг.» // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 1032–1050.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.414>

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ проект № 19-09-00430 («Врангелевский Крым в 1920 году: опыт государственно-культурного строительства и этно-конфессионального диалога»).

Сведения об авторе: Пученков А. С. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); a.puchenkov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Puchenkov A. S. 'A. A. Kulomzin. "Crimea under the Crimean government. Winter 1918–1919"', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 1032–1050.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.414> (In Russian)

This research was carried out with the support of the RFBR, project No. 19-09-00430 ("Wrangel Crimea in 1920: the experience of state-cultural construction and ethno-confessional dialogue").

Author: Puchenkov A. S. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.puchenkov@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- 'Among the difficult years (Correspondence of M. M. Vinaver with I. I. Petrunkevich in 1919–1920)', publ., intr. and comm. by V. E. Kölner, *Arkhiv evreiskoi istorii*, vol. 8, ed. by O. V. Budnitsky (Moscow, 2016). (In Russian)
- 'Journal of the meeting of the Council of Ministers of the Crimean Regional Government on April 16, 1919', *Arkhiv russkoi revoliutsii*, comp. by I. V. Gessen, vol. 2 (Moscow, 1991). (In Russian)
- Bogdanov N. 'An open letter to A. I. Denikin', *Poslednie novosti*, 22 December 1928. (In Russian)
- Bunegin M. F. *Revolution and civil war in Crimea (1917–1920)* (Simferopol, 1927). (In Russian)
- Charykov N. V. *A quick look at high politics*, transl., comp. and comm. by L. A. Pukhova (Moscow, 2016). (In Russian)
- Denikin A. I. *Essays on Russian Turmoil*, in 5 vols, vol. III: *White movement and the struggle of the Volunteer Army* (Berlin, 1924). (In Russian)
- Denikin A. I. *Essays on Russian Turmoil*, in 5 vols, vol. V: *Armed forces of the South of Russia* (Berlin, 1926). (In Russian)
- Grimm D. D. *Memoirs: from the life of the State Council of 1907–1917* (St. Petersburg, 2017). (In Russian)
- Ivanov A. A. *Right in the Russian parliament: from crisis to collapse (1914–1917)* (Moscow — St. Petersburg, 2013). (In Russian).
- Khodjakov M. V. *Money of the Revolution and the Civil War, 1917–1920*, 3rd ed. (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- Kulomzin A. N. *From the life of a former person*, intr. and comm. by S. S. Novoselskiy (Moscow, 2019). (In Russian)
- Kulomzin A. N. *The surviving: memoirs*, ed. by K. A. Soloviev, preparation of text by S. S. Novoselskiy and K. A. Soloviev (Moscow, 2016). (In Russian)
- Lannik L. V. *After the Russian Empire: German occupation of 1918* (St. Petersburg, 2020). (In Russian)
- Mamonov A. V. 'Post-reform bureaucracy in the memoirs of A. N. Kulomzin', *Rossiiskaia istoriia*, no. 2, 2019. (In Russian)
- Milyukov P. N. *Russia at a turning point*, in 2 vols, vol. 2: *The anti-Bolshevik stage of the Russian revolution* (Paris, 1927). (In Russian)
- Nikonov S. A. *My memories. From the revolutionary struggle and cultural and social activities*, in 3 vols, vol. 3: *1917–1938*, publ. by V. A. Solomonov and E. E. Fedorov; intr. by V. A. Solomonov and Yu. G. Stepanov, comm. V. A. Solomonov (Moscow, 2018). (In Russian)
- Obolensky V. 'In memory of Solomon Samoilovich Krym', *Poslednie Novosti*, 18 September 1936. (In Russian).
- Polovtsov A. A. *Secretary of State diary*: in 2 vols, vol. 1: *1883–1886*, intr. by L. G. Zakharova (Moscow, 2005). (In Russian)
- Puchenkov A. 'End of Kulabukhov, or the story of one hanged man', *Rodina*, no. 3, 2008. (In Russian)
- Puchenkov A. S. '1920: the agony of the white Crimea', *Rossia na perelome: voiny, revoliutsii, reformy. XX vek* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Puchenkov A. S. 'Bogdanov N. N. "Crimean Territorial Government" [1919]', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, 2018. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.218>.
- Puchenkov A. S. 'Denikin and the Kuban in 1919: two episodes of relations', *Russkii sbornik*, vol. XII (Moscow, 2012). (In Russian)
- Puchenkov A. S. 'Kiev at the end of 1918: the fall of the hetman P. P. Skoropadsky', *Modern History of Russia*, no. 2, 2011. (In Russian)
- Puchenkov A. S. 'Nabokov V. D. Crimea in 1918–1919', *Modern History of Russia*, no. 1, 2015. (In Russian)
- Puchenkov A. S. 'Review of the relationship between the Crimean government and the Dobrarmia for the period December 1918 — April 1919', *Modern History of Russia*, vol. 6, no. 3, 2016. (In Russian)
- Puchenkov A. S. *Ukraine and Crimea in 1918 — early 1919. Essays on political history* (St. Petersburg, 2013). (In Russian)
- Smolin A. V. *At the closed doors of the Palace of Versailles. Paris Peace Conference and Russian diplomacy in 1919* (St. Petersburg, 2017). (In Russian)
- Steinbach E. M. *Professional movement in Crimea, 1917–1927* (Simferopol, 1927). (In Russian)
- Vinaver M. M. *Our government. (Crimean memories of 1918–1919)* (Paris, 1928). (In Russian)
- Vladimirsky M. V. *Red Crimea 1919* (Moscow, 2016). (In Russian)

Received: April 12, 2020
Accepted: September 4, 2020